

18+

Ирина Местакова

Живи
и помни

Ирина Владимировна Шестакова

Живи и помни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73210133

ISBN 9785006911741

Аннотация

Наташа Мальцева рождает ребёнка от нерусского мужчины. Да, она такая ответственная и примерная девушка, послушная и честная, была всего лишь содержанкой. Потому что любила. Страстно любила и готова была ради своего мужчины на всё. Но он погиб и теперь девушке предстоит вернуться домой. Разве её мать поймёт её, примет незаконнорожденного внука от человека другой национальности?

Содержание

Живи и помни	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Живи и помни

**Ирина Владимировна
Шестакова**

© Ирина Владимировна Шестакова, 2026

ISBN 978-5-0069-1174-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Живи и помни

Глава 1

Июль, 2000 год

– Уберите его от меня!

Молодая девушка уткнулась лицом в подушку, не в силах смотреть на плачущего младенца.

– Как это уберите? Что это ещё за фокусы, Мальцева!

Медсестра растерянно обвела взглядом остальных мамочек в палате. На их лица медленно напоздало презрение. Они крепче прижали к себе своих деток и вполголоса начали перешёптываться между собой.

– Ещё раз спрашиваю, Мальцева, ты своего ребёнка кормить будешь?

– Не буду. Унесите. Он мне не нужен – прозвучал сдавленный ответ.

Девушка отвернулась к стене и потянула одеяло на себя, укрывшись с головой.

– Нет, это просто невыносимо!

Медсестра, Анна Павловна, унесла младенца в отделение для новорожденных. Крепкий, горластый мальчонка. Здоровый, что немаловажно. Что с мамочкой приключилось? Она же его так тяжело рожала, так просила самое главное – ребёнка спасти!

– Ольга Васильна, что делать? Мальцева из пятой отказывается своего сына кормить!

Анна Павловна заглянула в кабинет заведующей. Та стучала по клавиатуре и, прищурившись, всматривалась в мерцающий экран. Сутки выдались весьма тяжёлыми. Трое роженец, и всем одномоментно рожать приспичило.

– Мальцева? А что с ней не так? Молоко не пришло? Так покажите ей, что делать нужно, чтобы оно пришло. Ребёнка пока смесью покормите.

– Она совсем не хочет ребёнка видеть, понимаете? Потребовала унести и к стенке отвернулась.

Начинается. Ольга Васильевна сняла очки и устало потёрла переносицу. Давненько у них таких не было уже. Придётся вспомнить, чему учили на курсах психологии в таких ситуациях. Хоть и давно уже Ольга Васильевна заведует тут, а таких непредвиденных ситуаций на её памяти всего несколько было. И то в начале девяностых. Тогда и время тяжелее было, чем сейчас.

– Приведи её ко мне – приказала она Анне Павловне. Та моментом побежала в палату.

– Чего рожала-то тогда? Раз ребёнок не нужен? – громко спросила девушка возле окна. Настя. Покормив свою дочку, она уложила её в кювез и тихонько покачивала, бросая раздражённые взгляды на Мальцеву. Так как одеялом накрылась, так и лежала в таком положении.

– Да мало что ли их таких? – презрительно фыркнула вторая девушка, Лариса – рожают, а потом на произвол судьбы бросают, и вырастают из таких вот отказников преступники

да прочие уголовные элементы. Ш. болды, стоящие на трассах, разве не от таких вот мамашек? Их поголовно стерилизовать надо, чтобы они не размножались и не плодили весь сброд.

Настя мысленно не согласилась с Ларисой, но предпочла промолчать. Тем более, что в палату вернулась Анна Павловна.

– Мальцева, тебя заведующая к себе вызывает – она подошла к кровати девушки и резко сдёрнула одеяло – вставай!

– Не хочу. Отстаньте от меня! – с каким-то надрывом крикнула девушка, снова натягивая одеяло на себя. Лицо её было красным и зарёванным.

Пришлось заведующей Ольге Васильевне самой идти в палату, к девушке. Она взглядом показала двум мамочкам выйти в коридор и, дождавшись, когда за ними закроется дверь, мягко спросила:

– Наташа, ведь тебя так зовут? Что произошло? Ты поступила к нам уже со схватками, истерику устроила, чтобы мы тебе ребёночка спасли, а теперь сама же хочешь погубить его, лишив материнского тепла?

Наташа упрямо отмалчивалась. Ну как ей признаться, что родила она от нерусского мужчины? Что целый год была содержанкой у него в Москве, а матери врала, что учится в университете? А теперь его нет. Рената убили, взорвали в машине во дворе его особняка. Она сама видела, своими глазами.

– Мама не примет меня с сыном. Отчим тоже будет про-

тив... Мне некуда идти и некому помочь – наконец смогла тихо ответить Наташа.

Ренат безумно ждал сына. После его рождения обещал жениться на Наташе. Но теперь этого не будет. Ничего не будет. Ни цветов, ни дорогих подарков, ни любви. Она взорвалась в той машине вместе с ним и мгновенно умерла.

– Ребёнок при чём? Наташа? Из любой ситуации есть выход. Ну какая бабушка позволит своему новорожденному внуку скитаться неизвестно где или вообще попасть в дом малютки?

Ольга Васильевна не верила, что мама у Мальцевой настолько бессердечна. Девочка боится, оно понятно. Сколько таких историй. Влюбляются, как слепые дурочки, верят, и вдруг беременность. Как правило, объект их любви молча исчезает с горизонта. Удивительно, что Наташа не сделала аборт. Или уже поздно было?

Девушка села в кровати, поморщившись от боли. Только сутки как родила.

– Моя мама – педагог. А отчим в милиции работает. Они меня не примут с ребёнком на руках. И для них будет нормальным указать мне на дверь. Мама любила меня ровно до семи лет. А потом в её жизни появился Калинин Леонид Петрович, а через год родилась Калинина Елизавета Леонидовна. С тех пор я стала существовать сама по себе, изредка кочуя до бабушки, матери моего отца.

– А с папой что? Может, к нему?

Наташа с грустью в глазах покачала головой.

– Папа погиб в Афганскую войну. Он тоже работал в милиции и добровольно отправился воевать. Мама по нему горевала недолго. Калинин Леонид Петрович – его лучший друг, получается. Вот за него мама и выскочила замуж.

Девушка вдруг испуганно прижала ладонь ко рту.

– Ой, вы простите... Наговорила вам тут...

Ольга Васильевна мягко погладила девушку по плечу. Ей удалось разговорить её и выяснить причину, это уже что-то. Значит, есть надежда всё же переубедить.

– А бабушка по папе любит тебя? – осторожно спросила она.

Глаза Наташи тут же увлажнились от слёз. На лице появилась блуждающая тёплая улыбка.

– Души во мне не чаёт. Только мама против того, чтобы я общалась с ней. Если и отпускала в детстве, то скрепя сердце. Уж не знаю, что там у них с бабушкой произошло, что всякое общение между ними прекратилось.

– Хорошо – пробормотала Ольга Васильевна – а напиши-ка мне номер своей бабушки и как её величать. Хочу побеседовать с ней. Если она тебя любит, то и правнуку рада будет. Разве нет?

Наташа в волнении сцепила пальцы в замок.

– Рада будет, вот только мама с отчимом...

Ольга Васильевна резко встала.

– И мама потом отмякнет, как внука увидит. А отчим...

Ну что поделатъ. Не каждый готов чужих детей и внуков любить. Их тоже понять можно. Ты номерок-то напиши, напиши. Не бойся. Я хуже тебе ничем не сделаю.

Ольга Васильевна достала из кармана халата блокнот и ручку. Наташа ей казалась такой маленькой, такой глупенькой. Да что там! Девчонке всего восемнадцать лет. Зачем же они так взрослеть-то спешат, дурочки?

– Вот. Только дорого, наверное, из Москвы к нам звонить?

– Об этом не беспокойся – улыбнулась Ольга Васильевна и, заботливо погладив девушку по голове, настойчиво добавила – покорми сыночка, хорошо? Вижу, что молоко пришло уже у тебя. Покорми. Твоя кровиночка, твой родной малыш. Не поступай с ним так жестоко. Он явился в этот мир и не совсем не виноват в твоих проблемах.

Губы Наташи задрожали. Слёзы вот-вот грозили пролиться из глаз.

– А вот реветь не нужно – уже более строгим голосом произнесла Ольга Васильевна – а то молоко пропадёт. Сказать Анне Павловне, чтобы принесла твоего малышонка?

Наташа молча кивнула. Всё задрожало у неё внутри от того, что сейчас она прижмёт к себе их с Ренатом продолжение. Продолжение их любви.

Наташа осознала только сейчас, какую она чуть было не совершила глупость. Ведь у неё бабулечка есть. Она и поможет ей, приютит в своём домике. Мама не примет её ни за что. Наташа даже в этом не сомневалась. Жёсткая она

слишком и не терпит чужих ошибок. Она воспитывала свою старшую дочь в ежовых рукавицах, запрещая ей всё. Ни по-друг у Наташи не было, ни друзей. Только учёба в школе, в музыкалке и каждодневные уроки дома.

Отчим так вообще за человека не признавал. Каждый раз насмешки, да презрительные высказывания в адрес Наташи. Вся любовь и забота доставались младшей сестре, Лизе. Вот кто умница и красавица в семье. Конечно. Лиза по сути ещё ребёнок, ей всего девять. И для неё куча поблажек.

Дорога домой с младенцем на руках пугала Наташу. Но Ольга Васильевна вселила в неё надежду. Она ответственна теперь за родившегося маленького человечка и ради памяти Рената, воспитает из него настоящего мужчину.

Только могла ли добрая и наивная Наташа даже предположить, что с рождением сына её испытания ещё только начинаются?

Глава 2

Ольга Васильевна поговорила с бабушкой Наташи и почувствовала какую-то необъяснимую тоску. Пожилая женщина плакала, узнав о том, что её внучка стала мамой. Плакала не от стыда за неё, а от радости. Переживала, всё ли с младенчиком в порядке, с Наташей.

Заверив бабушку, что всё хорошо, Ольга Васильевна начала разговор издалека. Только Мальцева Калерия Фёдоровна и так всё понимала. Она подтвердила опасения своей внучки, что мать с отчимом её поедом съедят.

И что сама Калерия Фёдоровна рада бы внучку у себя приютить, да домишко её хлипкий, без удобств особых. Хорошую-то квартиру, которую они получили в своё время от предприятия вместе с мужем, Калерия Фёдоровна сыну отдала и снохе в своё время. Он женился, сноха беременна Наташей была. Жить молодым негде, не по общежитиям же и коммуналкам ютиться. Вот и решила женщина своим комфортом пожертвовать. Съехала в домишко, доставшийся ей от какой-то троюродной родственницы в наследство в частном секторе их города. Сама туда, детям квартиру. На то время муж её уже умер, сердце было больным. Надорвал себя на производстве. Очень мнительный и ответственный человек был.

Можно было бы и вместе с молодёжью жить. Калерия Фё-

доровна только рада была бы снохе с новорожденной внучкой помочь, но Валентина жить со свекровью наотрез отказалась. Молодая, бойкая учительница, приехавшая в их город по распределению и влюбившая в себя капитана милиции Мальцева Дмитрия Юрьевича, была по характеру очень резкой и прямолинейной.

Вносить разлад в новоиспечённую семью Калерия Фёдоровна не стала и сына своего научала, чтобы жену берёг, любил и уважал. А примером ему должна стать их супружеская жизнь с отцом.

Проработавшая сорок лет на производственном предприятии Калерия Фёдоровна по состоянию здоровья ушла на пенсию. Артрит. Боли в суставах такие были, что хоть на стенку лезь. Иной раз и радовалась, что отдельно от молодых живёт и не мешает им своими стонами.

Водопровода в её домишке не было, зато колонка прямо возле дома. А много ли ей надо? Стирки мало, а готовить на себя одну много воды не требуется. Для купания если только натаскивала. Банька у неё на участке имелаась. Дрова сын помогал заготавливать. Договориться с кем надо. Привезут, распилят. А уж колот всегда сам.

Придёт, бывало, Димка к матери на выходных и секунды не посидит с ней, не поговорит. Всё спешил переделать. Где прибить, где забить. Печку в баньке натопить, домой дровишек натаскать. Суется, суется, а в на лице тень смурная. Ни о чём матери не говорил. Ни о том, что на работе проис-

ходит, ни о том, как у него с Валеёй дела.

Всё хорошо, мам. Вот и весь его ответ. Переживала Калерия Фёдоровна за сыночка своего единственного. Ведь они с Юрой поздно его родили. Долгое время у Калерии не получалось забеременеть. А потом как-то на святой источник они с Юрой съездили за водой, да она там пару вёдер воды на себя опрокинула. Через несколько месяцев долгожданная новость не заставила себя ждать. Бывшие коммунисты Юрий и Калерия в храм пошли, да у иконы Божьей матери долго стояли. Обоим уже за тридцать было. Дети войны, детдомовские. Всю жизнь рука об руку, уже и отчаялись после себя продолжение оставить, как вдруг такое чудо.

Поэтому в сыне оба души не чаяли. Всё для него. Оба на хороших местах на предприятии. Заслуженные работники, герои труда. Квартиру они свою честным и ответственным трудом заработали. Большую, светлую, двухкомнатную. В новенькой пятиэтажке и в хорошем благоустроенном районе.

Дима рос, беря пример с отца. Да и похож был внешне весь на него. Отличник, комсомолец. Во всех мероприятиях школы активное участие принимал, спортом занимался. Плавание, футбол. Калерия с Юрой нарадоваться не могли на парня. Красивый, рослый, с тоненькими усиками под острым небольшим носом и пронзительными ярко-голубыми глазами под широкими сводами чёрных бровей. Половина девчонок в него были влюблены.

Диму ждал институт и профессия инженера. Очень его это направление интересовало. Но не замедлила прийти по-вестка в армию. И особо не раздумывая, Дима ушёл служить.

Два года для Калерии Фёдоровны пролетели, как в тумане. Писем от сына ждала, на присягу к нему с Юрой ездили. Время пролетело незаметно, и вот уже наступил восьмиде-сятый год. Лето, жара пекла так, что асфальт плавился. Как рано утром Калерию и Юрия разбудил протяжный звонок в дверь.

Столько лет прошло, а голос Калерии Фёдоровны до сих пор дрожал, когда она вспоминала, как сын из армии вер-нулся. Материнское сердце колотилось от гордости за своего мальчика. Теперь, казалось, всё пойдёт как задумано. Но Ди-ма их с отцом огорошил. Заявил решительно, что в милиции работать хочет. И, не долго мешкая, на следующий же день пошёл в местное отделение. Поработал там на первых порах, хорошо себя проявил и получил отличные рекомендации для поступления в институт.

С Лёней Калининым он познакомился ещё в начале своей работы в милиции. Тот уже старлеем был и молодого юнца, только дембельнувшегося, под своё крыло взял. Жизни его обучал потихоньку, что и как в милиции происходит, расска-зывал, внедрял, так сказать, в систему. Дима своему старше-му товарищу буквально в рот смотрел, мечтая себе хорошую карьеру в милиции построить.

Вскоре Калинин его с Валею познакомил, и Дима влюбил-

ся. Голову потерял от молодой учительницы. Замуж позвал спустя месяц после знакомства. Валя теряться не стала. Парень молодой, перспективный. Родители не кое-кто.

Сыграли свадьбу. Со свидетелями, куклой на капоте, ленточками – всё как положено. Гостей много было. Друзья, подруги, коллеги. После загса шампанское распивали возле центрального входа, а потом по городу катались и фотографировались на память. Свидетелем как раз таки и был Лёня Калинин.

Валя в свадебном наряде как куколка была. Шляпка, фата, туфельки. Всё через третьи руки, импортное доставала Калерия Фёдоровна. Имелся у неё блат в магазине. Только свадьбу отгуляли, шумно и весело, как через неделю умер Юрий Борисович Мальцев. Горячо любимый муж и отец. Рождение своей внучки Натальи ему не довелось уже увидеть.

Предприятие помогло с похоронами. Калерия Фёдоровна была безутешна. Тогда-то и начались все эти намёки, что молодым отдельно жить нужно. Валя вполголоса за дверью спальни высказывала Диме своё недовольство, и Калерия Фёдоровна решилась съехать от них.

Наталья родилась в восемьдесят втором. Звонкая, красивая девчушка. Калерия в свои редкие визиты нарадоваться на неё не могла, но недовольное лицо снохи её каждый раз в ступор вводило. Что не так она делает? Вроде с пустыми руками никогда не придёт. А когда и денег даст. Знала, что зарплата в милиции копеечная у сына, а сама она и без куска

хлеба иной раз посидит. Лишь бы у детей и у внучки хорошо всё было. Валю она тоже за дочку считала и её недовольные взгляды списывала на молодость. Вот постарше станет, может начнёт свекровь ценить, да мамой наконец-то звать. Калерия Фёдоровна была бы очень рада подружиться с Валею, но пока никак.

Наташа росла, и вот уже она в первом классе была, как Дима вдруг пришёл к матери зимним вечером. Смурной, выпивши. Сел на табурет и, голову опустив, произнёс, что попрощаться он зашёл. Попросился добровольцем в Афган. Там давно уже военные действия идут и всё никак не закончатся.

И сколько бы Калерия Фёдоровна его не отговаривала, Дима всё равно ушёл. В январе восемьдесят девятого пришла весть, что погиб он при выполнении служебного задания, а уже в феврале военные действия были прекращены.

Тяжело Ольге Васильевне было слушать рассказ пожилой женщины. Горе матери, потерявшей сына, остаётся с ней на всю жизнь. И вот теперь у неё внук родился, а она и помочь ему ничем не может. Старая, больная.

– Я попробую поговорить с Валентиной. Всякое в жизни случится может, дитё не виновато. Вы уж там присмотрите за внучкой моей и правнуком. К выписке, думаю, мать за ней придет. У них с Леонидом и машина своя имеется – тяжело вздохнула Калерия Фёдоровна и положила трубку.

Глава 3

Наташа осталась в палате одна. Её соседок, которые родили раньше, выписали. Девушка не спускала сына с рук. Всё смотрела на него и смотрела. Он же маленькая копия Рената! Те же тёмные волосики, карие глазки и упрямый маленький рот.

Имя своему сыну Наташа пока не придумала. Сама не знала почему. И с Ренатом они как-то не обговаривали никогда, как назовут ребёнка. Ему некогда всё время было. Чем Ренат занимался, Наташа не знала. Он весь год её одевал, обувал. Дарил золотые украшения.

Это Ренат заставил Наташу бросить университет, заявив, что предназначение настоящей женщины – сидеть дома. Создавать уют, воспитывать детей и любить своего мужа.

Девушка покорно согласилась и забрала документы, отучившись всего три месяца. С Ренатом они познакомились в клубе, куда затащили её соседки по комнате в общежитии. Он сразу обратил на неё своё внимание. Властный, взрослый и такой красивый, что у юной Наташи сердечко забилося в груди сильно-сильно.

Потерявшая в семь лет отца и воспитанная в нелюбви своей строгой матери, Наташа окунулась в эти отношения с головой. Забота Рената и его приказной тон нравились ей. Цветы, походы в ресторан. Всё закружилось и завертелось, как

в сказке. Девчонки по общежитию завидовали провинциальной скромнице Наташе. Отхватила завидного жениха Москвы, не успев приехать в столицу.

Наташа сама себе удивлялась, как так у неё получилось. Всё время она боялась свою удачу спугнуть, сглазить. Её чувства к Ренату росли с каждым днём. Она любила в нём всё. И когда он был злым, колючим и чужим. И когда он был добрым, ласковым и любящим. Каждую чёрточку его красивого мужественного лица любила, его голос, крепкие руки.

Это такая любовь, что, наверное, бывает только раз в жизни. И дело даже не в его деньгах... Совсем не в них. Наташа ничего не знала о нём. Кто его родители, откуда он. Она просто его любила и каждую секунду жила им одним.

Наташа встала у окна. Июль – её любимый месяц. Макушка лета. Она с любовью посмотрела на сыночка, вдохнула его детский запах. Ну как она может его бросить?

У неё не выходило из головы, что Рената убили. Но кто? Что и кому он плохого сделал? Может быть, он был бандитом? Наташа вспоминала гостей, что частенько навещались к ним домой. С золотыми цепями, важные. Они вели долгие беседы за толстыми дверями кабинета Рената.

Звонки среди ночи, частые командировки. Наташа сидела в огромном загородном доме, словно птица в золотой клетке. И мучительно долго ждала своего хозяина, скучая и тоскуя по нему.

Наташа едва успела смахнуть набежавшую слезу, как

дверь в палату открылась. Ольги Васильевны сегодня не было, как и медсестры Анны Павловны. Совсем другая смена дежурила.

— Мальцева, к тебе родители приехали. Дежурная врач тебе разрешила увидеться с ними. Младенчика я пока в отделение для новорожденных отвезу.

Сердце Наташи заколотилось. Мама приехала? И отчим тоже? Что же сейчас будет...

Валентина расхаживала взад и вперед, еле сдерживая себя от гнева. Ну, учудила её доченька. Учёбу бросила, родила неизвестно от кого! Да если у них прознают, то какие тогда пересуды начнутся! Она учитель истории. Заслуженный педагог. На её уроках даже мышь прошмыгнуть боится. В прошлом году классное руководство взяла над пятым классом и поблажек не давала никому. Даже родителей призывала к строгому ответу. И вдруг в её собственной семье дочь оказалась такой распутницей!

Да над ней потешаться все будут, пальцем тыкать. Раз она свою дочь не смогла правильно воспитать, то как ей тогда чужих детей доверить можно?

Когда вчера поздно вечером бывшая свекровь на своих больных, поражённых артритом ногах доковыляла до них, Валентину неприятно передёрнуло. Квартирных кривотолков опасаться не стоило. Карелия Фёдоровна в своё время составила на сына договор дарения, и после его смерти квар-

тира отошла Валентине, как жене.

Свекровь не могла даже представить тогда, что Дима может умереть раньше неё, поэтому пункт о том, что после смерти одаряемого квартира вновь должна вернуться в её собственность, она тогда категорически отмела. Да и Лёня подсуетился по своим каналам. Валентина – единственный собственник квартиры свекрови, и плевать она хотела на законы. Жильё это она никому не отдаст, даже Наташке.

Своего мужа, Калинина, она оставила внизу, в машине ждать. С дочерью решила пока поговорить с глазу на глаз. Не поможет, тогда придётся прибегнуть к помощи Леонида. Он в силу своей должности в милиции характер имел жёсткий, беспристрастный и поблажек падчерице точно не предоставит.

– Мама ... – голос Наташи дрогнул. Она вышла к матери бледная, худая. В казённой больничной одежде.

Валентина, приподняв бровь, смерила дочь презрительным взглядом, и в этом взгляде Наташа прочла всё. Девушка, опустив глаза, смотрела себе под ноги.

– И кто отец? – процедила Валентина сквозь зубы. Наташка раздражать её стала после того, как Дима так нелепо погиб. Его вообще никто не просил в Афган уходить. Правильным был слишком, честным. Новости слушал по радио, разговоры коллег на работе и кулаками сучил всё.

Валентина не о такой жизни с ним мечтала. Ведь он же деловитым был, шустрым и смекалистым. Ну на кой ляд он

принципиально взятки не брал? Кому нужна его честность и порядочность? И где он сейчас? В могиле лежит. И

Наташка в него вся пошла. Аж бесит!

– Он... Он погиб – одними губами прошептала Наташа, комкая в руках пояс от цветастого больничного халата.

– Ещё что сочинишь? – не поверила Валентина.

– Мама, это правда. Я... Мы жили вместе. Почти год. Его машина прямо во дворе дома взорвалась.

Крупные капли слёз скатились по впалым щекам девушки. Валентина кулаки от злости сжала.

– Какая же ты дура, ну дура – прошипела она дочери и схватила её за локоть – ты немедленно напишешь отказ. Мне не нужен неизвестно от кого рождённый ребёнок. Вот замуж выйдешь и рожай сколько хочешь и когда хочешь. Ты как собралась в нашей двушке ютиться со своим... Сыном? У вас с Лизой одна спальня на двоих, и мы с Лёней в зале теснимся. А жить на что ты собралась? Мы тебя содержать должны? Как с мужиком спать, ты взрослая, а как родила, так мама должна твои проблемы решать и Лёня впридачу! У тебя же ни образования нет, ничего у тебя нет! Быстро пошла и написала отказ. Вернёшься домой, восстановишь здоровье и осенью поступишь в наше училище. Никакого тебе института, университета. Больше никуда ты не поедешь. Съездила. Хватит. Теперь уже неважно, на кого учиться. Обычную рабочую специальность получишь и айда на работу. Нечего на нашей шее сидеть.

Наташа слушала мать, расширив глаза от ужаса и не в силах что-либо произнести. Оставить сына? Отказаться от него, когда уже всем сердцем и душой прикипела к нему?

– Я не смогу... Мам, я не смогу! – Наташа упала на колени и обхватила ноги матери – пожалуйста, мам... Не заставляй меня! Он же кроха, он без меня пропадёт в этом жестоком мире. Я не виновата, что так вышло. Ренат женился бы на мне, и я никогда не доставила бы тебе таких неудобств. Мама... Мамочка, умоляю тебя, не лишай меня моего ребёнка...

Рыдания захватили всё существо Наташи. Паника и отчаяние раздирали её душу на куски.

– Встань с грязного холодного пола – раздувая ноздри от злости, произнесла Валентина, с брезгливостью оттолкнув дочь от себя. Тряпка. Как и её отец, по жизни не способна ни на что путное. Придётся с Лёней советоваться, не позориться же в этом московском роддоме – вернись в палату, а я пока кое-какой вопрос улажу с Леонидом. Сегодня мы тебя заберём отсюда. Пусть тебя к выписке готовят.

– Меня? А сына? – дрожащим голосом спросила Наташа, кулаком утирая слёзы и тяжело поднимаясь с пола.

Ничего не ответила Валентина. Молча вышла, оставив Наташу мучиться от неизвестности. Девушка для себя решила, что мать не заставит её отказаться от ребёнка. Она у бабушки жить будет. Ей восемнадцать исполнилось, и она сама вправе решать свою судьбу.

Глава 4

Выйдя утром на смену, Ольга Васильевна с удивлением обнаружила, что Мальцева Наташа уже выписалась из роддома. Она её планировала на пятые сутки выписать, а не на третьи. У девочки сложные роды были. Понаблюдать за ней было в приоритете, мало ли какие осложнения.

– Почему мне не позвонили? – отчитывала она по телефону дежурившую вчера Людмилу Ивановну.

– Так родители за ней приехали. Четыре часа на дорогу убили. Не могла же я их домой развернуть? Мы перед выпиской Наташу посмотрели. Анализы, УЗИ. Ребёночка тоже. Если бы я какие-то отклонения от нормы увидела, то, конечно же, рисковать не стала бы. Зря вы напустились на меня, Ольга Васильевна. Тем более мама Мальцевой заверила меня, что у них по месту жительства отличная женская консультация. А с врачом-гинекологом она в приятельских отношениях. Да и девушка эта, Наташа, сама домой попросилась. Не имела я права удерживать.

Ольга Васильевна рассеянно извинилась за свой резкий тон и положила трубку. Почему-то судьба этой девушки взволновала её. Но хоть ребёночка она своего забрала, уже спокойнее на душе.

Не могла Ольга Васильевна за годы своей работы смириться с отказниками. Как ножом по сердцу для неё это было.

Ведь дети – это такая радость. Такое чудо.

Она вот лишена была счастья матерью стать. Полжизни маленьких человечков в свои руки принимает, а самой выносить и родить не дано было Господом.

В кабинет Анна Павловна заглянула. Увидела, что заведующая расстроена чем-то.

– Вы о Мальцевой думаете? И я её запомнила отчего-то. В память врезалась, и всё тут. Наверное, потому что давно у нас не было таких. Она вот вам записку оставила на посту у медсестры.

Анна Павловна положила сложенный вчетверо листок на стол и поспешила удалиться. Любопытство так и разбирало её узнать, что в записке. Но усилием воли, читать она не стала, уважая Ольгу Васильевну.

«Дорогая Ольга Васильевна! Я очень благодарна вам за то внимание, что вы мне уделили. Своего сыночка я забирала, осознав свою вину перед ним. Может быть, я когда-нибудь и признаюсь в этом своему Васятке, Васечке, Василию. Прощайте, Ольга Васильевна. Вы мне помогли понять, в чём теперь смысл моей жизни после смерти моего дорогого Рената...»

Ольга Васильевна проморгала слёзы. Всхлипнула. Васей назвала мальчонку Наташа. Дай Бог парню крепкого здоровья и счастливой жизни.

Встав у окна и заведя руки за спину, Ольга Васильевна долго всматривалась в шумный проспект за воротами роддо-

ма. А потом, спохватившись, взяла со стола стопку медкарт и пошла на обход. Её рутинная жизнь идёт дальше. Но почему-то в сердце поселилась тягучая тоска, объяснение которой, Ольга Васильевна не находила.

Валентина отправила Лизу рано утром к родне мужа, Лёни. Пусть пока погостит у них. Наташе в себя нужно прийти. То, что сделано, то сделано. Назад пути нет.

– Ты уверена, что правильно поступила?

Леонид собирался на работу. Спешил, матерился. Валя морщилась. Терпеть не могла бранную речь. Сама за всю свою жизнь даже не думала матом, где уж там сказать! Они вообще с Лёней всегда были разными. Но, как говорится, противоположности притягиваются друг к другу как магнитом. Вот и их всегда тянуло.

– Правильно. Репутацию семьи я ей портить не дам и свою жизнь тоже.

Валентина поцеловала мужа и закрыла за ним дверь. Ей ещё нужно морально подготовить себя к разговору с Наташей. Сейчас проснётся и начнёт. Пресечь нужно. Жёстко и сразу.

– Ма-ам ... – слышался дрожащий голос девушки – ма-ам...

Валентина сжала кулаки, досчитала до десяти и направилась в спальню.

– Проснулась? Завтракать будешь? – голос её был ле-

дяным. Она смотрела на дочь холодно, отстранённо. Будто и не её эта дочь, а чужая. Наташа выросла и надежд её не оправдала. Вот Лиза растёт совершенно другой, и по ней уже сейчас видно, что она в будущем многого добьётся. Поэтому что характером в мать пошла. Поэтому и любила её Валя больше, чем Наташку.

– Где, где мой сын? Где Вася?

Девушка спустила босые ноги на пол. Она вяло осматривалась по сторонам, ещё не до конца придя в себя. Что с ней? Ноги-руки ватные и слабо слушаются. В глазах туман, в голове шум. Наташа помнила, что в машине её начало в сон клонить очень сильно. Перед этим с мамой в придорожном кафе перекусили. Васечку оставили на Леонида Петровича.

– Твой сын в доме малютки. Я всё решила за тебя. Ребёнок тебя связал бы по рукам и ногам.

Наташа судорожно втянула в себя воздух. Сердце сдавило словно тисками.

– Ты что такое говоришь? В каком ещё доме малютки? – медленно произнесла она, как-то исподлбья глядя на свою мать.

– Спать меньше будешь – усмехнулась Валентина, не собираясь дочери рассказывать подробности. Да, она специально Наташе в еду подмешала снотворное, пока девушка в туалет ходила, когда они в кафе зашли перекусить. Лёня потом её сонную в машину тащил.

План Валентины был заехать в любой ближайший город

и оставить ребёнка в доме малютки. Время было поздним. Вечер душным. Рука не дрогнула у Валентины подкрасться к порогу детского учреждения и подбросить хныкающего младенца. Хорошо у Лёни в багажнике вместительная корзина завалилась.

Валентина ушла, даже не обернувшись на младенца. Ни совести, ни стыда внутри. У Наташки ума не хватило аборт вовремя сделать, так Валентина решила теперь эту проблему. Нагуляши ей в семье не нужны, и сплетни за спиной она слушать не намерена.

– Как ты... Как ты могла? Так бесчеловечно, так жестоко поступить со своим родным внуком? – глаза Наташи расширились от ужаса, она едва смогла сползти с кровати. Комната плыла у неё перед глазами. По сердцу словно острым ножом резанули.

– Что ты делаешь? – Валентина презрительно поджав губы, спокойно наблюдала за действиями дочери.

– Я за ним пойду, за Васей... Ты не могла так просто его в дом малютки сдать. Я мать, я...

Девушка тёрла ноющие виски, пытаясь сообразить, где её одежда. В голове никакого просвета, мысли путались.

– Я прежде всего твоя мать – осадил дочь Валентина – и без моего ведома ты и шагу теперь не сделаешь. Младенец не здесь. Я даже название города не помню, где я его оставила, и тебе нет смысла искать. Забудь.

Наташа сильно закричала, бросившись к матери с кулака-

ми. Её накрыла самая настоящая истерика. Валентина едва успела выскочить за дверь и запереть её на ключ снаружи. Наташа стучала кулаками и ногами в дверь, бешено дёргала ручку и кричала. Хорошо, что стены у них толстые. Валентина надеялась, что соседи не услышат этих звериных воплей. Благо что по обе стороны в соседних квартирах жили старушки. Полуглухие, полуслепые.

– Лёня, вызови к нам психиатричку – ровным голосом произнесла Валентина, набрав номер мужа – срочно. Я не смогу успокоить эту сумасшедшую. Она всю комнату сейчас разгромит. Рассудком помешалась. Не мешает её подлечить в психушке. Выйдет оттуда, как шёлковая потом.

– А я предупреждал тебя, что с огнём ты играешь, Валентина ... – начал было Леонид.

– Мне лучше знать, как устроить жизнь своей дочери. Послать её учиться в Москву было моей ошибкой. Но теперь всё по-другому будет. Так ты вызовешь или мне самой?

Леонид пообещал вызвать. С женой он предпочитал не спорить. Мысленно он давно прозвал Валентину солдафоном в юбке. В их семье она была главной. Несмотря на свою работу в милиции, Леонид жене подчинялся, но не оттого что был подкаблучником. Вовсе нет. Просто терпел до поры до времени.

Валентина по характеру несносной была. Всегда. Потому он по молодости и не звал её замуж, а она назло ему закрутила любовь с Мальцевым Димкой и замуж за него выскочила.

Только продолжала его, Лёню, всё равно любить. Их отношения напоминали вулкан. Порой Леонид удивлялся, каким таким образом Валентина решила в педагоги пойти, ей бы армией командовать и орать на плацу команды. А она вдруг учителем истории стала.

В её воспитание старшей дочери никогда Леонид не вмешивался, хоть и раздражала его девчонка своим присутствием. То ли дело своя, родная дочь. А тут Димкина. Откровенно говоря, Леонид обрадовался когда Наташка от них в Москву свалила на учёбу. Всё легче дышать в квартире и не так тесно. Ан нет. Не смогла дурында эта по уму там свою жизнь построить. Залетела неизвестно от кого.

Беспокоило ли его, что Валя своего внука на произвол судьбы бросила? Нет, с чего бы. Мальчишка ему никто, чужой. Потому и не волнует его судьба младенца. Только собственная дочь беспокоила Леонида и её покой. Хорошо, что состояние своей сестры она не видит сейчас. Наташку вообще изолировать нужно от Лизы, а то не дай Бог заразит её своим плохим примером.

Валентина всё сплетен боится. Только как она соседям будет вызов к ним скорой объяснять и возвращение Наташки в родные пенаты?

Глава 5

Родионов Марат Юсуфович был очень хорошим врачом. Ответственным, дисциплинированным. Каждого своего пациента он рассматривал как отдельный случай.

Скрупулёзно. Тщательно. Вдумчиво. Лет ему уже было около сорока. Высокий, статный. С благородной сединой в когда-то чёрных волосах и умными карими глазами. Взгляд его всегда был цепким, словно проникающим в душу.

В своих тонких длинных пальцах он всегда держал ручку и блокнот, постоянно делая какие-то пометки. Кандидат наук, защитивший докторскую по одному очень сложному случаю, связанному с агрессивной шизофренией, он сам выбрал однажды уехать из холодного и серого Питера в провинциальный городок, чтобы занять пост главного врача в обычной государственной психиатрической больнице.

О его личной жизни было мало что известно. Приехал он в Рыбинск холостым и одиноким мужчиной. Служебное жильё получил, свою машину имел. Близких друзей не заводил, с женщинами замечен не был.

Внешне он был очень приятным и симпатичным мужчиной. Молоденькие медсёстры то и дело в него глазами стреляли, улыбались смело и чуть ли не открыто высказывали свою симпатию Родионову, но он умело пресекал все попытки к сближению.

А тут вдруг заинтересовался он новой пациенткой. Сам лично взял её под свой контроль.

– Смотри, Алинка, уведут твоего Юсуфовича – насмешливо подтрунила Эля, младшая медсестра. Она только заступила на ночное дежурство и была удивлена, застав Алину в ординаторской. Алина была правой рукой Родионова и давно в него влюблена. Безнадёжно и бесповоротно.

– Кто? – презрительно фыркнула Алина, что-то дописывая в своём ежедневнике. В этом она стала подражать Марату Юсуфовичу. Все об этом знали и тихонько посмеивались за спиной над её слабыми потугами обратить на себя внимание Родионова.

– Да хоть бы новенькая. Как её там? Мальцева?

Лицо Алины потемнело. Видно, тоже что-то заподозрила, только виду не подавала.

– Вообще не понимаю, с какой стати Марат с ней возится. На больную она мало смахивает, из приличной семьи. Попала сюда не по решению суда. Нужды в её пребывании в нашем диспансере нет – довольно резко произнесла Алина, захлопнув ежедневник. Она подошла к своему шкафчику и стала переодеваться. Родионов сегодня на дежурстве. Поэтому она задержалась, хотела перехватить его. Только кабинет его был заперт, и никто не видел его с самого обеда.

– Да мамашка её уговорила нашего Юсуфовича. Мол, девчонка умом тронулась. На мать с кулаками бросается. Чушь всякую плетёт. В Москве год проучилась и с катушек сле-

тела. Вот её родители оттуда домой и забрали – тараторила Эля. Она была большой любительницей посплетничать. Городок-то у них маленький.

– Чушь плетёт? Не заметила за ней. На обходе молчит и в потолок смотрит – процедила Алина. Она поправила на себе юбку, блузку. Пригладила волосы, подкрасила губы красной помадой и, послав Эле воздушный поцелуй, вышла.

Стук её тонких каблучков гулко раздавался по коридору. Сжимая в руке ремешок сумки, Алина всё думала о Марате. Так не может больше продолжаться. Если бы у них не было той единственной ночи после корпоратива, она могла бы не заикливаться на нём. Ухажёров у неё и без Родионова хватает. Выбирай – не хочу. Она молодая женщина, тридцати лет. Всё при ней. И красота, и харизма.

Что она забыла в психдиспансере? Алина и сама не понимала. Пришла ещё юной девчонкой, да так и осталась. А уж когда пост главврача Марат занял, то об уходе и речи не могло быть. Забилося сердце Алины при виде какой-то восточной красоты их главного. Узнала она про него, что мать русская, а отец азиат какой-то. И всё. Дальше вся его биография покрывается какой-то тайной за семью печатями. Наверное, ещё и из-за этого Алина не могла успокоиться.

Что скрывает Марат за своей холодной неприступностью? Ведь у него нет ни семьи, ни детей. А он давно уже не мальчик. И что она забыл здесь, у них в провинции? Переехать из северной столицы в их глушь – это нужно самому из ума

выжить.

Мечтала Алина поближе подобраться к Родионову, чуть ли не в брак с ним вступить и переломить его. Бросить к чёрту эту дыру и вернуться обратно. Ведь в Питере и возможности, и перспективы. Она уже даже представляла себе, как они с Маратом пакуют чемоданы и отправляются в путь.

Возле палаты Мальцевой Алина вдруг притормозила. Ей послышался голос Родионова. Мягкий, какой-то грудной. Он обволакивал каждого, с кем Марат общался. Будь то пациент или родственник пациента.

– Наташа, расскажите мне всё? Я уверяю вас, что смогу вам помочь. Вы просто не можете себе представить, на что способен человеческий мозг. А я могу.

Девушка сидела на кровати, подбрав под себя колени и обхватив их руками. Она сама подписала согласие на свою госпитализацию. Хотела хоть на время от матери и отчима скрыться. Видеть их не могла. Бросить её ребёнка! Неизвестно где! И даже совесть этих людей не мучила.

Марат Юсуфович её напрягал. В его присутствии на неё нападал ступор, и она не могла правильно сформулировать мысль. Он как-то подавлял её, нависал над ней. Испепелял своим пронзительным взглядом и не давал спокойно дышать.

Остальных врачей нормально воспринимала, а его скованно.

– Мне уже лучше, Марат Юсуфович. Отпустите меня до-

мой – тихо попросила девушка.

Алина замерла возле двери. Ну наконец-то эта тихушница выпишется от них.

– Алина Евгеньевна, вы что-то хотели? – внезапно раздался громкий властный голос Марата.

Алина от неожиданности даже вздрогнула и покрылась липким трусливым потом. Как он узнал, что она за дверью стоит? Пришлось войти в палату.

– Нет, ничего. Просто мимо шла...

– Вот и идите мимо. Ваш рабочий день давно окончен, Алина Евгеньевна.

Какой же холод шёл от голоса Родионова. Алина, закусив губу, быстро извинилась, попрощалась и бросилась на выход. Домой, скорее домой. Пить вино, обнимать пушистого кота и смотреть слезливые бразильские сериалы.

Марат плотно прикрыл дверь в палату. Наташа лежала здесь одна. Руки его отчего-то слегка дрожали, и внутри было беспокойно ему. Давно он таких эмоций не испытывал. С тех пор как...

– Отпустите меня домой. Я к бабушке хочу пойти – всё так же тихо, но уже более настойчиво произнесла Наташа. Она не вернётся больше домой. Мама для неё теперь враг. Наташа боролась с ненавистью к ней. Ведь только жестокая и бесчеловечная женщина с каменным сердцем может так поступить со своим родным внуком.

– Я отпущу. Завтра же, если ты так хочешь. Удерживать

тебя силой, я не имею права. Ты здорова. Нервы мы твои подлечили. На людей ты больше бросаться не будешь. Или была причина? – Родионов из-под бровей смотрел на лицо девушки, отметив, что она тут же побледнела и губы её слегка задрожали. Но рассказывать правду она не собиралась, решительно мотнув головой.

– Не было причин. Трудная сессия в универе, недопонимания с соседками по общежитию. Вот психика и поехала.

Наташа тоже решила придерживаться версии своей матери и не рассказывать правду. Никому. Ей будет не лучше, если все узнают об этом. Маму и отчима всё равно наказать не получится, они вывернут всё в свою пользу и выйдут сухими из воды. А вот её будут грязью поливать.

У бабушки Наташе будет спокойнее. Ей нужно подумать, как разыскать Васечку. Она готова хоть все города по их пути следования объездить, но пока не имела финансовой возможности. Значит, на работу ей нужно. Денег набрать и потом уже Васю искать. Она найдёт его.

Прикрыв глаза, Наташа вспоминала, как положила в пелёнки маленький старинный медальон. Ей подарил его Ренат...

– Хорошо. Отдыхайте пока. А завтра я подготовлю вам рекомендации и выписку. Доброй ночи, Наташа.

Родионов чуть замешкался у двери. Он не хотел так просто уходить. Наташа понравилась ему и, решение созрело в его голове моментально. Больше не нужно никого искать.

Он уже нашёл.

Глава 6

– Бабушка – Наташа буквально упала в объятия Карелии Фёдоровны – за что? За что мама так меня ненавидит? Или у неё совсем нет сердца? Она оставила моего Васеньку в чужом городе, в каком-то приюте... Где мне его теперь искать?

Карелия Фёдоровна гладила внучку по голове. В последнее время артрит совсем измучил её. Боли были уже не вможу. По дому еле передвигалась. Но рассказ внучки о том, что её мать так жестоко поступила с младенцем, поверг старушку в шок. Она знала, что Валентина весьма жёсткая и принципиальная женщина, но чтобы настолько?..

– Я не знаю, что тебе сказать, милая. Крепись. Валентина всегда была такой.

Наташа отпрянула от бабушки, заходила по комнате. Она была в отчаянии и не представляла себе, с чего начать поиски. Была бы у неё машина, она тем же маршрутом проехала бы, что и отчим. Да все пути объездила бы, но сына своего нашла бы.

Из головы не выходило предложение Марата Юсуфовича о работе. Он выписал её, рекомендации дал. В душу больше не пытался лезть, но, словно насквозь её увидев, понял, что Наташе работа теперь нужна. Вот и предложил место уборщицы. Предыдущая на пенсию уходит.

– Ты подумай, я не тороплю с ответом. И место пока бу-

дет свободно. Вот тебе мой личный телефон. Надумаешь, позвони – Родионов настойчиво вложил в холодные пальцы девушки свою визитку и отпустил.

Наташа полдня бродила по городу, а потом добралась до бабушки. Она понимала, что мама будет рвать и метать от злости. Но она ей уже не поддастся. Ей восемнадцать лет. Совершеннолетняя. Сама вправе решать, где ей жить. Наташа корила себя, что матери поверила и выписалась из роддома. Если бы она её не послушалась, то Ольга Васильевна что-нибудь придумала бы!

На худой конец Наташа попросилась бы временно пожить к своей однокурснице, с которой успела подружиться. Одни если бы, да кабы...

– Ба, ты разрешишь мне у тебя пожить? Не хочу я домой возвращаться. Чужая я там, и маму после такой подлости знать не хочу.

Карелия Фёдоровна судорожно вздохнула. Суставы ныли так, что разговаривать с внучкой немоготу было. Ей бы девочку успокоить как-нибудь, да подумать, как мальчонку отыскать, а вместо этого терпеть приходится эту изнуряющую боль.

– Да разве ж я тебя смогу выгнать? Ты же одна отрада у меня в этой беспросветной жизни. То Димка у меня был, вместо него ты. Живи сколько хочешь. Дом этот тебе отойдёт, когда меня не станет. И квартиру матери смотри так просто не отдавай. Папка твой должен был хозяином стать, да кто же

знал, что так мало пожить ему отведено. Я как подумаю, что Лёнька Калинин теперь живёт в той квартире, так мне дурно становится. Мы с дедом твоим честным трудом на неё заработали, а какой-то хлынец теперь живёт там и хозяином себя чувствует.

– Бабушка, да не до квартиры мне – вырвался у Наташи крик. Она с ума сходила о том, где её сын и как. Словно частичку её души вырвали насильно и выбросили. Далеко-далеко.

Когда бабушка уснула, она набрала номер Родионова и произнесла лишь одно-единственное слово:

– Я согласна.

Валентина вернулась из школы. Скоро учебный год начинается, и их уже начали дёргать. Долгожданный отпуск потихоньку подходил к концу.

После школы она решила до больницы доехать и узнала неприятное известие, что её дочь выписана.

На требовательный тон Валентины позвать ей главного, к ней вышел Марат Юсуфович.

Он объяснил, что не имеет таких прав – насильно удерживать здорового человека.

Они Наташе немного восстановили расшатанную нервную систему капельницами, витаминами.

Девушка не похожа на психически больную. Поэтому Родионов посчитал нужным её выписать.

– Я мать, и мне лучше знать о психическом состоянии моей дочери – резко произнесла женщина – вы могли бы меня предупредить, что Наташу выписывают сегодня.

– Девушка совершеннолетняя и вполне дееспособна. Я не наблюдаю у неё каких-то отклонений и проявлений шизофрении. Она не агрессивна и вполне адекватна. Я не вижу никакой связи с анамнезом, написанным с ваших же слов. У Наташи было временное расстройство психики на фоне сильного стресса. Ни вы, ни она не говорите конкретно, что произошло. На пустом месте такой внезапной вспышки агрессии не бывает.

Валентина нервно теребила ремешок сумки и не смотрела на врача. Ладно. Наташка выписалась. Домой она явно не вернётся. Помчалась теперь жаловаться своей бабке.

– Хорошо, спасибо. Я вас поняла. Моя дочь не больна. Всего доброго – Валентина поспешила покинуть кабинет главного. Она топала своими квадратными каблуками по коридору и сжимала кулаки.

И только на улице её немного отпустило. Присев на остановке, в ожидании своей маршрутки, Валентина закурила. Да, бывало иногда.

Никто из домочадцев не знал об этом её пристрастии. Курить ещё с юности научилась.

Жизнь Валентины лёгкой не была. С самого детства. Пьющие родители, нищета, грязь. Оба, один за другим умерли, допившись до ручки.

Вале было тогда всего десять. Её поначалу в детский дом определили. Но потом вдруг откуда-то тётка объявилась. У её матери, оказывается, сводная сестра по отцу была.

Тётка эта, Зинаида Петровна, жила очень далеко от тех мест, где родилась Валя.

Сейчас уже смутно помнила Валентина этот неуютный шахтёрский посёлок. Какие-то бараки, общая кухня, душ. Мужики эти уставшие, злые со своим домино и картами по выходным собирались во дворе. Громкий смех, матерные слова и местный самогон.

Валя, проходя с двумя вёдрами воды из колонки, пугливо шарахалась каждый раз, когда в её сторону летели пошлые шутки. Она подрастала, округлялась и от этого чувствовала себя ещё несчастнее. Тётка тоже замечала изменения в её теле и нещадно лупила мокрым полотенцем по спине, приговаривая, что не дай-то Бог Вальке в подоле принести, она тогда устроит ей «жисть».

Детей у тёти Зины не было своих, а Валю она забрала из-за корыстных целей. Опекунство оформила, да рабочую силу для себя нашла. Постирать, прибрать, поесть приготовить – всему этому Валентина обучилась за короткий срок. Сама же Зинаида любила поспать подольше, хорошо поесть и нигде особо не работала. Так, сходит куда-то поздно вечером раз-два в неделю, и деньги откуда-то.

Ни ласки, ни заботы от неё Валя не видела. Только тычки, да затрешины. Постоянные насмешки и унижения. Тётя

Зина с гордостью била себя кулаком в грудь и вдалбливала Вале, что она так её воспитывает, учит, закаляет её характер. Чтобы как сталь была, как бездушная машина, без эмоций и сантиментов.

И Валя закалялась. Училась на «отлично», сдавала нормативы по физкультуре и твёрдо решила после десятого поступать в педагогический. Она тоже хотела учить. Молодая и целеустремлённая, она многого хотела добиться в жизни, и самым главным для неё было никогда-никогда больше не жить в подобной грязи, в нищете.

Сразу её планам не суждено было сбыться. Случай, произошедший после выпускного, надолго выбил её из колеи. Почва из-под ног уходила, и не хотелось жить. Пьяный сосед подловил её тёмным вечером, когда она возвращалась домой, и, затащив в какие-то развалины, далеко за бараками, изнасиловал.

Долго её била потом тётя Зина, что пришла она под утро, в разорванном грязном платье. Сцепив зубы, Валя молчала и ни слова не проронила. Спустя месяц она сделала подпольный аборт, а осенью сбежала из шахтёрского посёлка. Ей исполнилось восемнадцать, и теперь она сама себе хозяйка...

Подъехавшая маршрутка выдернула Валентину из пучины воспоминаний. Да, она злая и жестокая. Жизнь её сделала такой. После того аборта она смогла родить и Наташу, и Лизу...

О своём бессердечном поступке с внуком, она гнала мыс-

ли прочь. Как ей сказали, так она и сделала. Для самой же Наташи так будет лучше. Ни к чему ей это всё. Ни к чему. Пускай она сейчас её ненавидит и никогда не узнает правду. Зато её жизни больше ничего не угрожает.

Глава 7

Наташа устроилась уборщицей. В отделе кадров ей завели трудовую книжку, медицинскую. Обязали пройти медосмотр.

Управилась она за пару дней и вышла на работу. Ей выдали рабочую одежду, шлёпки. Показали подсобное помещение, где весь инвентарь хранился.

Вроде и небольшая премудрость тряпкой по полу елозить, а тоже знать надо, в каких пропорциях хлорку развести, да в какое время нужно мыть и непременно в перчатках.

Наташа всё запомнила и приступила к работе. У неё одна цель была – денег скопить и уехать искать своего сына.

Молоко у неё враз пропало. А на медосмотре гинеколог неудобные вопросы задавал. Когда родила, да сколько времени прошло. Как восстановительный период проходил и прочие премудрости.

Врать Наташа не любила, но пришлось. Врач же. Попросив мысленно прощения у своего сыночка, соврала она, что не доносила и ребёнок не выжил.

В Москве наблюдалась, и всё у неё там, мол, осталось. Карточка, выписки. Домой приехала, потому что дома и стены лечат. Теперь вот на работу выходит, чтобы отвлечься.

Врач что-то в карточке помечал, не поднимая головы. Он приезжий, не местный. Саму Наташу не знает, а значит,

и сплетен не будет. Медсестра в этот момент убежала куда-то.

Очень плохо жить в городке, где всё на виду и все. Но, на счастье, медосмотр пройден, и Наташа вошла в рабочий ритм.

Работала пять дней в неделю. Коридоры мыла, туалеты, лестницу. Без дел как-то и не приходилось сидеть ей. Весь день на ногах.

Домой без задних ног приходила и спать. Осень подошла быстро, как и первая зарплата. Получив в кассе заветные рубли, Наташа вечером сложила деньги в маленькую коробочку.

– А если мальчонку усыновит за это время кто? – осторожно подготавливала внучку Карелия Фёдоровна. Она бы и рада помочь ей, да самой пенсии едва хватает, чтобы им обоим концы с концами свести.

– Не успеют – твёрдо отвечала Наташа. Она верила, что найдёт сына. Землю перевернёт, а отыщет Васю.

Родионов попадался ей редко. А если и попадался, то держался отстранённо, холодно.

Наслышана уже была Наташа, что характер у него непростой и что очень скрупулёзно он относится к своей работе. Всех поступающих пациентов лично смотрел, изучал историю болезни.

Наташа в этом ничего не смыслила. Её дело маленькое – полы мыть. В палаты она не заходила. У санитарок там свои

порядки. Да и не горела желанием она с настоящими психами столкнуться.

Но однажды пришлось. Страху натерпелась, еле в себя потом пришла в кабинете Марата Юсуфовича.

Женщина одна лежала в отделении. В изоляторе. Какой-то там сложный у неё диагноз был. Могла неделями с кровати не вставать и в потолок смотреть. А могла внезапно напасть. Кусалась, дралась и не своим голосом выла на всё отделение.

Наташа как раз полы в том конце коридора мыла, как медсестра Алина, выскочив из палаты и смерив уборщицу презрительным взглядом, поспешила на сестринский пост. Дверь, видимо, закрыть забыла впопыхах.

Нервная, злая она была. Наташа только мельком на неё глянула и тут же глаза отвела. Слышала она уже краем уха, что Алина эта неровно к Родионову дышит. Вот только он на неё ноль внимания. Да и вообще он как-то повода никому не давал. Но чувствовала Наташа, что к ней он всё равно по-особенному относится, хоть и холоден при встрече. Возможно, просто не хочет подставлять её под сплетни местных фантазёрок.

Сняв тряпку с деревянной швабры, Наташа опустила её в ведро с водой. Несколько раз опускала, как учили. Потом хорошенько отжала и, набросив обратно, второй раз прошлась по влажному полу, как вдруг её сзади обхватила за шею крепкая рука.

– А ведь это ты! Я тебя узнала! Думаешь, получилось у тебя скрыться? – зашептал в ухо испуганной девушки прерывающийся безумный шёпот. Скосив глаза, Наташа с ужасом увидела распахнутую настежь дверь в ту злополучную палату.

– Отпустите, пожалуйста. Вы... Вы меня с кем-то перепутали – еле живая от страха произнесла Наташа. С психами лучше по-доброму и не спорить. Неизвестно ещё, на что они способны. Им же человека убить – как нечего делать. Больные люди. Их мозг не способен осознать акт совершения преступления.

– Ха! Ни с кем я тебя не перепутала. Это ты моего мужа увела. Ты!

В бок Наташе упёрлось что-то острое. Вилка! Сердце девушки быстро-быстро застучало. Она же ведь даже закричать не могла, чтобы не спровоцировать лишний раз эту сумасшедшую. И в коридоре, как назло, пусто. Зато с сестринского поста доносились голоса, даже смех.

– Нет-нет, простите меня, я не хотела – решила подыграть Наташа – прошу вас, давайте поговорим.

Рука женщины напряглась в перегибе локтя, ещё сильнее сжав Наташу за шею. Девушке уже дышать нечем было. Второй рукой она вдавила вилку в бок Наташи, которая мысленно уже с жизнью начала прощаться, как безумную вдруг от неё резко оттащили и скрутили. Это был Родионов. Он был в бешенстве, судя по его взгляду и покрасневшему

от злости лицу.

– Санитары, ко мне! – рявкнул он на всё отделение. В конце коридора в проёме дверей замаячила Алина. Даже издали было видно, каким бледным было её лицо.

Марат Юсуфович, продолжая удерживать извивающуюся на полу женщину, прорычал Наташе:

– В мой кабинет. Быстро!

Девушка и так хотела провалиться куда-нибудь, лишь бы поскорее сбежать отсюда. Пожалуй, она не сможет здесь работать, и если Родионов уволит её, то, значит, тому и быть. Обидно только, если вся вина на неё упадёт. Ведь она не открывала палату. Это Алина! Только вот ябедничать Наташа не собиралась и подставлять кого-то.

Битый час она в неизвестности просидела в кабинете главного, прежде чем он наконец-то появился. Как всегда холодный и сдержанный, он прошёл к своему широкому столу, где стопочкой аккуратно лежали папки с бумагами, карточки и прочая бумажная волокита.

– Мальцева, ну почему вы на помощь не позвали? – неожиданно спросил он, сцепив пальцы в замок. Наташа мельком отметила, что лишь дрожащие руки выдают его внутреннее волнение.

– Я не могла, она бы тогда...

– Ничего она бы не сделала. Убить или причинить вред Васильева неспособна, но напугать до чёртиков может. Я потому и не держу её связанной. У неё была стойкая ремис-

сия. Но, видимо, что-то спровоцировало её агрессивность. Я приказал взять у неё кровь. Если в лаборатории что-либо обнаружат, то кое-кому с волчьим билетом придётся покинуть стены нашей больницы.

Наташа привстала с низенького диванчика.

– А может лучше мне уйти? Наверное, я не смогу...

– Не говорите ерунды, Наташа. Дверь оставили открытой специально. Мне это стало понятным сразу. И вы знаете, кто оставил. Я тоже об этом знаю. Потому что только один человек имел доступ к этой тяжёлой пациентке. Ни вы, ни я разглашать об этом не будем. Но троим нам здесь не ужиться, и этот лишний человек – не вы.

Родионов встал из-за стола и приблизился к девушке. Опустился перед ней на корточки, в глаза заглянул.

– Наоборот, вы мне очень нужны здесь. Оставайтесь, прошу вас. Много лет я в своё сердце и мысли никого не впускал. Но с вашим появлением что-то надломилось во мне.

Находясь в ступоре от слов Марата Юсуфовича, Наташа почувствовала, как он взял её холодные руки в свои. Большие и горячие.

– Марат Юсуфович, не нужно ... – она попыталась встать, но её силой усадили обратно, на диван.

– Не отталкивай мою протянутую руку. Я её давно никому не протягивал. Подумай. Я могу пригодиться тебе, а ты мне. Я уверен, что в твоей жизни случилось что-то очень нехорошее, и могу помочь, если ты позволишь и расскажешь мне

всё. Когда судьба случайно сталкивает два одиночества друг с другом, в этом есть какой-то сакральный смысл.

Бархатные глаза Родионова заглядывали Наташе словно в самую глубину её души. А что если согласиться? Вдруг он поможет ей сына отыскать? Одной Наташе не справиться точно. И, опустив глаза, она начала говорить...

Глава 8

Валентина вышла в школу. Снова уроки, классные часы, собрания. Рутината эта затягивала. Домой приходила уже поздно вечером. Естественно, что в учительской уже шли разговоры о том, что Наташка её вернулась домой и устроилась работать в психдиспансер.

– Валентина Ивановна, что это твоя Наташа в Москве учиться не стала? Да ещё на такую престижную должность пошла – не выдержала учитель русского языка и литературы, Элга Карловна.

Валентина искала классный журнал своего шестого «Б». Так она и знала, что слухи пойдут, сплетни. Будут обрастать всё новыми домыслами, пока не надоест перетирать. Нужно проявить спокойствие, перетерпеть. Потом всё забудется, уляжется.

– Поняла, что не её. Что я могу поделать? Наталья – человек провинции, и шумная столичная жизнь не для неё. А должность... Что должность? Всякие профессии нужны и важны. Вы бы лучше, Элга Карловна, мой шестой класс по правописанию подтянули. Записи в тетрадке пишем, так у каждого второго грамотность хромает.

Отыскав журнал, Валентина смерила коллегу ледяным взглядом и покинула учительскую. В школе каждый день был как урок выживания. Либо ты, либо тебя. Таковы пра-

вила любого коллектива, и дружбы здесь не сыскать.

Поздно вечером, проведя первое родительское собрание в начале учебного года, Валентина шагала домой. Уверенной и твёрдой походкой. Её ничем не сломить. Никогда.

Завернув за угол бывшей библиотеки ещё дореволюционной постройки, Валентина чиркнула зажигалкой. Нервы всё равно разошлись, хоть ты тресни. Эти переговоры за её спиной среди учителей она чувствовала кожей. Ведь им же всё равно любопытно, почему отличница Наталья Мальцева, окончившая школу с золотой медалью, вернулась в их неприметный и совсем бесперспективный городок?

Не доказывать же с пеной у рта, что нет вины Валентины в том, что её дочь такая бесхребетная и пошла по классическому сценарию всех провинциальных дур! Был бы у неё характер матери, она бы такую чушь не сотворила. Училась бы, профессию получила бы и устроилась бы на хорошее место.

«Бы да бы. Одни бы» – саму себя передразнила Валентина.

Она вспомнила, как поздно ночью ей позвонили. Уточнили, её ли дочь Наталья Мальцева, и, когда ничего не понимающая спросонья Валентина подтвердила, в приказном тоне потребовали, чтобы мальчишку, которого Наташа родила вчера, Валентина оставила в ***-ом доме Малютки. Всё. Остальное ни её, ни её дочь касаться не должно.

На робкие вопросы Валентины, кто её побеспокоил, слышались короткие гудки. И только потом, положив трубку,

Валентина осознала, что её дочь, оказывается, родила. Родила! Поэтому, когда свекровь на своих больных ногах пришла сообщить ей такую новость, Валентина не особо удивилась.

Мужу о звонке она говорить не стала. Зачем ещё и Лёню впутывать? У него и без неё проблем на службе хватает. Просто она сделает так, как ей велели. Для Наташки всё равно ребёнок только помехой будет. Ну какое материнство в восемнадцать лет? Она чем думала?

Теперь вот вместо того, чтобы в их местное училище хотя бы поступить, она на работу уборщицей пошла. Совсем без амбиций! Уборщицей! Для этого она в школе на пятёрки училась, экзамены на «отлично» сдала и получала золотую медаль из рук директора школы, чтобы работать обыкновенной уборщицей!

Валентина подумала про главврача психдиспансера. Не понравился он ей. Больно за Наташу горой стоял. Уж не положил ли он глаз на её дурочку наивную? Валентина прикурила вторую сигарету. Переулок был непроходным, пустовал. Да и свечерело уже. Никто не мешал ей спокойно думать и размышлять.

Лёня теперь дома и Лизу ужином покормил наверняка. Так что Валентина домой не торопилась. В магазин ещё забежать нужно. Хлеб, батон купить.

Мысли её всё вертелись вокруг этого Родионова. Знала она, что новый главврач «психиатрички» приезжий. Из большой северной столицы почему-то к ним пожелал попасть.

Что привлекло его в провинции, ведь отсюда, наоборот, пачками в крупный город лезут?

Совсем неэстетично и не по-женски придавив окурок носком туфли, Валентина вышла из своего укрытия и потопала не спеша в магазин. В конце концов, пусть хоть Наташка главного привлечёт к себе. Валентина была бы вовсе не против. Но только если он женится на ней, а не будет в любовницах держать. Валентина тогда совсем со стыда сквозь землю провалится.

Дёрнув на себя дверь, женщина вошла внутрь продуктового магазина, что неподалёку от её дома находился.

– Здравствуйте, Валентина Ивановна. Какая судьбоносная встреча, а я как раз с вами хотел бы переговорить.

Карие, бархатные глаза обволакивали, гипнотизировали. Перед Валентиной стоял и добродушно улыбался сам Родионов Марат Юсуфович.

Валентина была в некоем замешательстве. Вот и думай теперь, что мысли не материальны.

Алина в слезах спешила домой. Родионов так с ней ещё никогда не разговаривал. Жёстко, грубо. Не стесняясь в выражениях и угрозах уволить по статье, если она по собственному не напишет.

В тёмном подъезде своей пятиэтажки Алина немного успокоилась. В сумке лежала бутылка вина и самый обычный сыр. Сейчас выпьет и позвонит ему, лично. В кабине-

те не смогла сказать всего, а в трубку скажет. И пусть земля потом под ногами горит, а держать свои эмоции в себе она не намерена.

Столько времени страдала по нему, мучилась. Во сне представляла его своим мужем, что детей ему родила, что семья у них верная и любящая. И вдруг из-за какой-то психички все планы медным тазом накрылись. Откуда эта Мальцева взялась и чем она привлекла такого чувственного мужика, как Родионов?

В его тщательно скрываемом страстном темпераменте Алина не сомневалась. Не может такой мужчина с обворожительным взглядом пронизательных карих глаз быть пустым! Его губы, руки и голос – всё говорило об обратном, и Алина считала себя идеальной парой для него.

Трясущимися руками вставив ключи в замочную скважину, Алина никак не могла открыть дверь. Будто мешало что-то. Лампочка ещё перегорела на площадке. Темень хоть глаз коли.

– Чёрт ... – пробормотала Алина, выдернув ключ и снова пытаясь его правильно вставить в скважину.

– Не чертыхайся понапрасну – прошелестел едва различимый шёпот.

Крупные мурашки побежали по телу молодой женщины. Резко развернувшись, она хотела уже было закричать, как её рот плотно накрыла чья-то уверенная рука, а бок внизу живота пронзила страшная жгучая боль.

Глава 9

Наташа взволнованно ходила по залу. На фоне бубнил телевизор, на плите в кухне начинал свистеть чайник. А она всё пыталась бабушке донести, что сделала правильный выбор и не пожалеет потом.

– Марат Юсуфович поможет мне моего сына разыскать. Станет мне добрым мужем, для Васи – хорошим отцом. У меня нет больше вариантов, бабушка!

Карелия Фёдоровна качала головой. Не верила она в такие браки. Ведь Наташа не сможет полюбить другого мужчину. Она, как и отец её, однолюб!

– Ты бы сперва присмотрелась к нему. Что за человек, чем живёт, что на уме у него. Слишком быстро он тебе предложение сделал. Ведь намного старше тебя. Женат не был, детей нет. Спрашивается почему?

Наташу уже было не переубедить. Родионов как загипнотизировал её своим предложением руки и сердца.

Она ему выложила всё, как на духу, и он пообещал помочь.

Только ради сына Наташа на такой отчаянный шаг идёт. Чтобы отыскать его и забрать. Одной ей не справиться. А об остальном она уже потом думать будет, по ходу дела.

Внешне Марат Юсуфович приятный мужчина. Умный, интеллигентный. Кажется, что мухи не обидит, хоть и быва-

ет строг в меру своей должности.

Может быть, Наташа сможет хотя бы симпатию к нему испытывать, уважение.

Да, выскочить замуж за нужного мужчину – это самый лёгкий путь. Но пока она будет рассчитывать только на себя, то может так получиться, что сына вовсе не увидит и не найдёт.

– Мы распишемся как можно скорее. Марат Юсуфович договорится в ЗАГСе. У него там хорошая знакомая работает. Праздника не будет. Просто распись. А потом он оформит отпуск за свой счёт, и мы будем объезжать все близлежащие дома малютки. Я помню в каком кафе мы с мамой останавливались. Оттуда и начнём поиски.

Отговорить внучку Карелия Фёдоровна не могла. Но на душе страсть как беспокойно было.

Утром Наташа на работу убежала, а пожилая женщина встала напротив уголка с иконами и долго всматривалась в лики святых.

Она подлила масла в лампадку, зажгла фитилёк. Мерный огонёк горел ровно и вселял надежду, что всё будет хорошо.

Карелия Фёдоровна медленно перекрестилась. Коммунизм и партия в своё время очень постарались внушить, что религия – это опиум для народа.

Но после того, как Господь своей милостью послал Карелии и её мужу сына Димку, женщина в Божье провидение поверила.

Крестилась тайком и повесила на шею крестик. Хорошо по жизни шло всё, ровно. Потому усердно и не молилась, не благодарила лишний раз.

Ведь в минуты радости человек редко о Боге вспоминает и только лишь в беде прибегает к нему со слезами и просит.

После того как стало точно известно, что Дима погиб и тело его для захоронения переправили домой, Карелия Фёдоровна смиренно приняла свою материнскую горькую участь.

Не спрашивала, за что и почему. Просто жила дальше в ожидании своего часа.

Но за внучку вдруг захотелось горячо, усердно помолиться. Чтобы именно тот хороший человек рядом с ней был, который поддержит и защитит.

Карелия Фёдоровна постаралась отбросить все сомнения прочь. Наташа вечером с работы не одна придёт. Родионова приведёт с ней, с бабушкой, познакомить.

И только увидев этого мужчину воочию, Карелия Фёдоровна успокоится.

Валентина о разговоре с Родионовым помалкивала и Леониду своему ничего не рассказала. Сама не знала почему. Сглазить, что ли, боялась.

Наконец-то сплетни утихнут и даже завидовать начнут её Наташке, что такого мужика отхватила она себе.

Возраст Родионова не пугал Валентину. Ну почти её ро-

весник он, и что? Лучше муж пусть будет постарше, чем младше или совсем к семейной жизни не подготовленный.

Марат Юсуфович женат не был, детей тоже нет. Наташке крайне повезло, что такой мужчина ей подвернулся и без хвоста.

Да она за ним как за каменной стеной будет!

Поэтому, конечно же, Валентина дала своё материнское благословение на предстоящий брак.

Утром она поторапливала Лизу в школу, сама спешила. Лёня сорвался в отдел, едва рассвело. Он вообще-то на ночном дежурстве должен был быть в эту ночь, но, договорившись с дежурным, чтоб тот в случае чего прикрыл его, Лёня поехал домой, спать.

А в четыре утра домашний телефон разорвал тишину квартиры. Какое-то ЧП, убийство. Вот Лёня и сорвался, чтоб от начальства по шапке не получить за отсутствие на дежурных сутках.

День в школе у Валентины пролетел быстро. Забрав потом Лизу из музыкалки, она едва поборолла желание дойти до Карелии Фёдоровны. Наташка гордая, так и будет отмалчиваться и мать игнорировать. Но ведь свадьба на носу. Неужто не пригласит?

И Валентина отчётливо понимала – не пригласит. Рассказать бы ей всё, да не велено. Мальчонку наверняка другие люди уже забрали. Опасные, страшные. Возможно, связаны с погибшим отцом ребёнка. Против них Наташке нет резона

переть.

Сама виновата. Надо головой думать, от кого рожать. Ведь даже не женился он на ней, а она, наивная, верила. Если бы не погиб он, то неужели Наташа до сих пор думает, женился бы на ней кто-то? Да так же бы без ребёнка она и осталась бы. Только неизвестно, в живых ли, или уже и не увидела бы Валентина свою дочь.

Страшные люди, ещё раз подумала она, крепко сжимая руку младшей дочери и торопясь домой. Лиза рассказывала про какой-то случай на сольфеджио, а Валентина даже и не слушала её, думая о своём. Других детей Наташа родит и первенца своего забудет. Родионов очень положительное впечатление произвёл. Галантный, деловой. Всё по полочкам разложил. Понравилась ему Наташка, что уж темнить. Бывает же любовь с первого взгляда? Видно, бывает. До сорока лет дожил Марат Юсуфович и не мог вторую половинку себе найти. А тут вдруг Наташа Мальцева. Дрогнуло внутри что-то, сердце неровно забилося.

Родионов так романтично и красиво говорил, что совсем не наивная Валентина уши развесила и слушала чуть ли не рот открыв. Вот так дела... Хотела Наташке психику подлечить, а выходит, что судьбу ей нашла в больнице. Так это ей Наташка в случае, если всё хорошо у неё сложится, благодарна должна быть!

Дома Валентина погнала младшую дочь в ванну. Руки мыть, переодеваться после школы. Сама ужин быстрее бро-

силась подогреть и наткнулась на сидящего в темноте кухни Леонида.

— А ты чего без света сидишь? — щёлкнула она выключателем и тут же скосила глаза на початую бутылку водки, банку маринованных огурцов. Странно. Лёня вроде редко пил, тем более дома. Значит, произошло что-то у него.

— Да ... — вяло махнул он рукой — от одного дела меня отстранили. Сдал кто-то, что не было меня на рабочем месте. В двух кварталах от нас молодую женщину зарезали, прямо возле дверей квартиры. Ни свидетелей, ни улики. Кто, что — непонятно пока. Работала старшей медсестрой в психдиспансере. Жила одна на съёмной квартире. Сама неместная. Я должен был это дело вести, но молодой и борзый следак опередил меня. Выслужился перед начальством, и меня тут же бортанули.

Валентина недовольно поджала губы. Подумаешь, дело другому следователю передали, и что? Пить теперь из-за этого? Она схватилась за бутылку, намереваясь её убрать куда подальше, чтобы Лиза не видела.

— А ну поставь — повысил голос Леонид и недобро посмотрел на жену — хватит командовать. Не в школе. Я сам уберу, когда посчитаю нужным, или допью её вообще.

Леонид демонстративно наполнил стопку и выпил, даже не закусывая. У Валентины внутри всё затряслось от омерзения. Пьянство она не любила, прекрасно помня о своих пьющих родителях. В памяти крепко отложилось чувство брезг-

ливости к тем, кто пьёт.

– Хочешь пить, иди в гараж. Если не желаешь своей дочери показать дурной пример пьющего отца – холодно произнесла Валентина, отвернувшись к плите. Она слышала, как Леонид молча собрался и вышел из квартиры. Лизу он очень любил и в грязь лицом перед дочерью ударить не хотел.

Слёзы обожгли Валентине глаза. Не дай Бог запьёт. Хоть на развод тогда подавай. Не сможет Валентина терпеть пьянство. Ни в каком виде.

Глава 10

– Прости, не смогу сегодня с твоей бабушкой познакомиться – Родионов то и дело приглаживал волосы, на часы смотрел. Хоть и скрывал тщательно, но было всё равно заметно, что нервничает он. По крайней мере Наташе его состояние сразу бросилось в глаза. Всегда уравновешенный и спокойный. И вдруг весь на нервозе.

– Хорошо. Тогда в следующий раз.

Девушка собиралась уже покинуть кабинет Марата, как он резко её за руку схватил.

– Ты же наверняка уже слышала. Алину убитой нашли возле дверей её съёмной квартиры. Теперь вот следователь ходит, допрашивает весь персонал больницы. Кто и что знает. Может, видел. Я тоже жду его визита. Поэтому, сама понимаешь, сегодня к тебе домой никак не получится.

Наташа понимала. Её уже допросили. Но она с Алиной толком не была знакома. Только вот слух кто-то пустил, что накануне девушку уволили из-за происшествия с Наташей. То есть из-за неё. Мол, конфликт у них вышел. Следователь допрашивал дотошно, под протокол. Пристально смотрел на Наташу своими маленькими цепкими глазками и что-то писал, крепко сжимая толстыми пальцами-сардельками ручку.

Наташу так и подмывало рассказать, как её собственная

мать ребёнка у неё украла и подбросила к дому-малютки в неизвестном городе. Но пришлось свои эмоции сдержать. Сейчас совсем о другом речь.

Внутри Наташа не испытала никаких эмоций по поводу смерти Алины. Она её мало знала. Но и за этот короткий период Алина произвела впечатление злой, высокомерной молодой женщины. О том, что она в Родионова была влюблена, не знал только ленивый. И поэтому, конечно же, Наташа понимала, что Марата Юсуфовича будут более тщательно допрашивать и капать на мозг.

О своих взаимоотношениях с Алиной она рассказала следователю всё как было. Её отпустили, но предупредили, что, если будет надобность, вызовут ещё. Только уже в отделение.

Девушка сочувствовала Родионову, которому только предстояло пройти через неприятную процедуру допроса. Его почему-то следователь оставил на потом. Но всё же Наташа волей-неволей возвращалась к одной и той же мысли, кто убил эту Алину?

Карелия Фёдоровна доковыляла до двери. Плохо она себя чувствовала что-то. Совсем расклеилась с этими суставами.

То ходит, топчется весь день. А тут слегла и ничего делать не хочет. Внучка позвонила в свой обеденный перерыв. Предупредила, что визит Родионова к ним, откладывается. Какое-то ЧП у них в больнице. В подробности Наташа не стала вдаваться.

– Кто? – предупредительно спросила старушка, прежде чем дверь открыть.

– Здравствуйте, Карелия Фёдоровна. Это я, Валентина.

Приглушённый голос бывшей снохи успокоил пожилую женщину и, она уверенно открыла дверь. Визит Валентины её удивил, но виду она не подала. Мать всё же Наташкина. Может, беспокоится за дочь-то?

– Чай будешь? Наталья вчера оладьи сама напекла. На кефире. Да у меня аппетита что-то совсем нет.

Старушка загремела посудой, чайник на плиту поставила. Передвигалась по просторной кухне она с трудом. Ноги болели, сил уже не было. А лежать ещё хуже.

– Спасибо. Чай было бы неплохо. Совсем на улице погода промозглая. Осень пришла – Валентина, усевшись за круглый кухонный стол, руки в замок сцепила. Она с интересом осматривалась по сторонам.

Обстановка в доме у Карелии Фёдоровны была самой простой. На дощатом крашеном полу цветные половики. Вместительный деревянный сундук в углу, старенький холодильник рядом.

На окнах кружевные самотканые занавесочки, в горшочках, что на подоконнике, в ряд выстроились герань с красными цветками, домашний лекарь алоэ и нежные фиалки.

– Я пришла узнать, как тут Наташа поживает – озвучила Валентина цель своего визита. Ей хотелось узнать на самом деле, как у её дочери дела с этим Родионовым продвигаются.

Скоро ли свадьба? А то тишина как-то напрягала. Не хотела Валентина враждовать с Наташкой. А ребёнок... Так получилось. Не от того Наталья родила. Не принадлежал он ей изначально. Пусть смирится и забудет. Других родит Марату Юсуфовичу.

На самом деле Валентине домой как-то не хотелось идти. Уроков у неё мало сегодня было. Лиза после школы в музыкалку. А дома отсыпается вчера изрядно набравшийся водки Лёня. Страх Валентину брал, что придёт домой, а он опять за своё. Далось ему это дело с убийством. Мало что ли своих висяков?

– Наталья хорошо поживает. Ночами только в подушку ревёт. Что же ты, Валя, наделала?

Карелия Фёдоровна пододвинула к себе поближе табурет и села возле печки. Скоро совсем захладеет, опять топить надо будет. Дрова теперь самой заготавливать приходилось. Позвонить кому надо, да денег заплатить. От пенсии слёзы одни оставались.

– Карелия Фёдоровна, только вам могу сказать, что не наше это дело. С очень опасным человеком Наташа в Москве связалась по неопытности и по наивности своей. Как мне приказали, так я и сделала. А ещё убедительно просили держать всё в тайне и дочери ни о чём не говорить. Думаю, что мальчик в надёжном месте и Наташе не стоит его искать.

Валентина разнервничалась, сигареты достала. Потом вспомнила, что в доме свекрови как-никак. Та лишь рукой

махнула.

— Да кури, чего уж. Форточку только приоткрой. Вот беда... — покачала старушка головой — Наталье-то я не скажу, конечно. Только ведь ненавидит она тебя и простить не сможет.

— Пусть. Меня по жизни мало кто любил. Да я и сама не люблю никого. Не научили меня. Детство нелёгким было, тяжёлым. Я как могла Наташу воспитала, теперь Лизу. Лёня вот... запил.

Валентина курила быстро. Затягивалась и тут же выдыхала дым. Руки её заметно тряслись, глаза покраснели. Никогда Карелия Фёдоровна в таком состоянии бывшую сноху не видела. Жестокой и хладнокровной она всегда ей казалась.

— Так кто же тебе, Валентина, другой мешает быть? Тебя не любили и не научили, говоришь, как любить? Так сама научись. Что ты волком-то на всех смотришь? Командуешь и дома, и в школе. Димка мой как тебя любил. Души не чаял, а ты, как королева с холодным сердцем, мучила его. Оттого и ушёл он на эту войну проклятую. С тобой жизнь не мёд, а без тебя тем более.

Валентина молчала. Смерть Димы на её совести, и она об этом знала. Застал он их тогда с Леонидом. Она в отдел к ним пришла, Димку искала. Лёня её заговорил, в кабинет свой завёл, коньячку выпить предложил. Слово за слово, полез целоваться. Вспомнил, как до Димки они встречались, да не срослось у них. Тут-то дверь и распахнулась. Дежурный

доложил Диме, что жена его обыскалась. У Калинина сидит в кабинете.

Валя до сих пор взгляд его помнила. Нет, Дима не скандалил. Не закатил сцену ревности, не упрекал, не взывал к совести. Просто отмалчивался. Но спать уходил на кухню, раскладушку себе достав с антресолей.

А потом вдруг перед фактом поставил и всё. Добровольно, мол, в Афган попросился. Вот комиссию пройдёт и поедет. Что могла Валентина сделать тогда? Как остановить? Холодной она была, бесчувственной. Даже слезу не проронила, когда Диму признали годным к поездке, не заплакала, когда провожали его на вокзале, не разревелась, когда сообщили, что погиб.

Стена. Непрошибаемая. За Лёню Калинина замуж вышла потом почти сразу, потому что одна тоже не могла быть. Мужик в доме нужен. Вот и согласилась на его предложение. А теперь в этот самый дом идти боялась. Не выносила пьяных.

И квартиру свекрови она себе забрала не потому, что подлая такая. Наталье доля принадлежит, а Лизавете она потом свою отдаст. Всё дочерям отойдёт. С собой она туда, в вечность, не заберёт ничего.

Чай уже остыл давно, когда Валентина закончила свой рассказ о детстве, о юности. Почему-то в этот вечер захотелось ей хотя бы с бывшей свекровью поделиться своим наболевшим. А потом Лиза позвонила и попросила встретиться её

из музыкальной школы. Требовательно попросила, настыр-
но. Разные у неё дочери. Разные.

– Что же ты раньше не поделилась со мной, бедовая? Раз-
ве ж враг я тебе?

Карелия Фёдоровна утирала концами платка слёзы, ко-
торые струились по её морщинистым щекам. Вот ведь как.
Знаешь человека много лет, а что в душе у него творится,
и не ведаешь. Наверное, потому Дима и полюбил Валентину.
Душу её почувствовал. Озлобленную, не обогретую лаской.

– Пойду я... А то Наталья придёт скоро. Как там у них
с Маратом Юсуфовичем? Ведь был он у меня, руки Наташ-
киной просил.

Валентина шмыгнула носом и поднялась из-за стола.
На улице уже свечерело. До музыкальной школы рукой по-
дать. Добежит за Лизой быстро. Вдвоём домой не так страш-
но возвращаться. При дочери Лёня себе крайностей не поз-
волит.

Карелия Фёдоровна ответить не успела. Дверь распахну-
лась рывком, и Наташа вошла в дом. Девушка смерила мать
ледяным взглядом.

– Тебе что здесь надо?

Валентина вздохнула. А чего она ждала? Сама же от себя
дочь и отвадила. Столько ей гадкого всего наговорила, злого
и недоброго.

– Я ухожу уже. Не волнуйся – Валентина поспешила ноги
в туфли засунуть.

– Вот и уходи. Не смей сюда приходить. Никто ты мне после всего.

Валентина как ошпаренная выскочила на улицу. Чуть ли не бегом она шла по дороге, не замечая ничего вокруг. Не простит Наталья её. И признаться нельзя. Ведь упрямая же она, всё равно будет мальчика искать и только беду на свою голову навлечёт. Запуталась Валентина сама в себе, превратившись из властной и спесивой женщины в ту девочку, у которой родители-пьяницы умерли, а к себе на воспитание взяла злая-презлая тётка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.